

УДК 341.01

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ КАТЕГОРИИ “СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА”

А.М. Садабаев

Сложность понятийного аппарата категории “субъект международного права” отразилась в различных трактовках ее определения учеными, вызывая теоретико-правовую неопределенность, а значит, отсутствие единой парадигмы общетеоретического оформления субъекта международного права. В связи с чем представляется авторский подход в определении и понимании общетеоретической сущности субъекта международного права посредством анализа вариации доктринальных подходов к quintessence данной категории. Отмеченное раскрывается в контенте исследования на предмет состоятельности в общеправовой теории путем выявления несовершенства существующих теоретических подходов. В результате исследования аргументируется авторская позиция комплексного определения субъекта международного права в общеправовой теории на основе авторского подхода с учетом ее сущностных признаков, придающих ей правовую определенность в дефинитивном аспекте.

Ключевые слова: субъект международного права; определение; международная правосубъектность; правовой статус; субъективное право; юридическая обязанность; механизм правореализации.

“ЭЛ АРАЛЫК УКУКТУН СУБЪЕКТИ” КАТЕГОРИЯСЫНЫН КОНЦЕПТУАЛДЫК ПАРАДИГМАСЫН ЖАЛПЫ ТЕОРИЯЛЫК ИЗИЛДӨӨ

А.М. Садабаев

“Эл аралык укуктун субъекти” категориясынын түшүнүктүк аппаратынын татаалдыгынан улам, анын аныктамасында илимпоздордун ар башка аныктамаларынын жаралышы теориялык жана укуктук белгисиздикке жана эл аралык укуктун субъектин тариздөөнүн жалпы теориялык бирдиктүү парадигмасынын жоктугуна алып келди. Ушуга байланыштуу, бул категориянын quintessence багытталган ар түрдүү доктриналык ыкмалардын варианттарына талдоо жүргүзүүнүн негизинде, “эл аралык укуктун субъектисинин” жалпы теориялык маанисин аныктоодо жана түшүнүүдө автордук ыкма сунушталды. Учурдагы теориялык ыкмалардын кемчиликтерин аныктоонун негизинде белгиленген аныктаманын жалпы укуктук теориядагы жарактуулугун изилдөөдө ачылды. Изилдөөнүн жыйынтыгында, жалпы укуктук теориядагы “эл аралык укуктун субъектисинин” комплекстүү аныктамасынын автордук позициясы дефинитивдик маанидеги укуктук тактыкты берген белгилерди эске алуу менен ырасталды.

Түйүндүү сөздөр: эл аралык укук; аныктама; эл аралык укуктук субъективдүүлүк; укуктук статус; субъективдүү укук; юридикалык милдеттенме; укук аткаруу механизми.

GENERAL THEORETICAL RESEARCH OF THE CONCEPTUAL PARADIGM OF THE CATEGORY “SUBJECT OF INTERNATIONAL LAW”

A.M. Sadabaev

The complexity of the conceptual apparatus of the category “subject of International law” was reflected in various interpretations of scientists by its definition, causing theoretical and legal uncertainty, which means the absence of a single paradigm for the general theoretical design of the subject of International law. In this connection, the author's approach is offered in the definition and understanding of the general theoretical essence of the “subject of international law” by analyzing the variations of doctrinal approaches to the quintessence of this category. The above is revealed in the content of the study on the subject of consistency in general legal theory by identifying the imperfection of existing theoretical approaches. As a result of the study, the author argues the position of a comprehensive definition of “subject of international law” in general legal theory based on the author's approach, taking into account its essential features giving it legal certainty in a definitive aspect.

Keywords: subject of International law; definition; International legal personality; legal status; subjective right; legal obligation; mechanism of legal realization.

Настоящая научная работа ставит своей целью исследование понятийного аппарата категории “субъект международного права” и наиболее адекватное ее сути определение, которое уже в последующем послужило бы ответом на волнующие исследователей вопросы о том, насколько оправданными являются аргументы ученых о международной правосубъектности индивидов, транснациональных корпораций, международных неправительственных организаций и др. Замкнуто ли данное понятие или не является таковым, насколько оно подвержено внешним влияниям со стороны глобализационных перемен, происходящих в мире, доктринальных воззрений в науке международного права и тому подобные вопросы оставленными без исследования быть не могут. И все же такая постановка задачи не умаляет тот вклад специалистов, внесших вклад в определение субъекта международного права, которые все же разнятся в зависимости от выбранного авторами типа правопонимания, методов определения, идеологических соображений, формируя тем самым “дисперсию” квинтэссенции международно-правового субъекта с нечеткими границами определения, смывая линию демаркации между объектом и субъектом международного права. Поэтому круг данных вопросов требует научного внимания и исследовательского взгляда.

При исследовании позиций авторов о субъекте международного права продуктивным было бы использование таких общеправовых методов научного познания, как индуктивный и дедуктивный. “При построении определения с помощью индуктивного метода, – пишет Д.Л. Лысенко, – с помощью анализа признаков существующих и уже признанных субъектов современного международного права выводятся признаки субъекта международного права как одной из правовых категорий. Дедуктивный же метод, наоборот, идет от общего к частному и выводит признаки субъекта международного права, преломляя уже выделенные ранее в теории признаки права применительно к международному праву” [1, с. 51]. Соответственно, тот или иной взгляд автора варьируется в зависимости от используемых такими исследователями методов научного познания субъекта международного права. К месту замечает Р.А. Мюллерсон, что “фактически круг лиц и образований,

являющихся субъектом международного права, зависит от того, какое определение субъекта международного права дается” [2, с. 181].

Поэтому общетеоретический анализ выработанных критериев, предпосылок, определений субъекта международного права представляет особую доктринальную ценность, особенно при вопросе теоретических аспектов процесса образования подобных субъектов.

Так, в общеправовой и международно-правовой теории нами были выявлены следующие методологические подходы авторов к определению субъекта международного права и критериям становления таковыми, которые мы попытаемся затронуть вкратце, за исключением наиболее спорных, достойных научного внимания.

Теоретический подход определения субъекта права, представляющий особый методологический интерес, тем не менее, имеет свои недостатки. Речь идет об определениях субъекта права авторами, использовавшими подход главным, исключительным критерием субъекта права возможности либо реального участия последних в правоотношениях. Так, анализируя правосубъектность Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), Е.Т. Усенко под субъектом права понимает “физическое или юридическое лицо, участвующее или могущее участвовать в правоотношении” [3, с. 100]. Вторят ему С.Ф. Кечекьян, С.С. Алексеев, Д.Н. Бахрах и А.А. Стремоухов.

Таким образом, следуя логике перечисленных выше авторов, императивным признаком субъекта права является участие в правоотношениях (возможность либо как таковое реальное участие). Следовательно, образование, не участвующее в правоотношениях, не может рассматриваться субъектом права. Субъект права перманентно считается субъектом правоотношения, и первое не может выступать таковым, если он не участник правоотношений. Так, Р.О. Халфина выделяет в правосубъектности лишь одно из качеств субъекта права – возможность участия в правоотношениях [4, с. 117–120, 126].

Можно было бы согласиться с мнением указанных авторов (большинство из которых специалисты советского периода), если бы мы находили участие в правоотношении обязательной предпосылкой определения субъекта права. Однако, на самом деле, правовая конструкция

“правоспособность” уже предполагает возможность участия в правоотношениях. Так, А.В. Мицкевич по этому поводу отмечает, что правоспособность и “есть возможность участия в правоотношениях, иметь права и нести обязанности” [5, с. 136].

Однако, на наш взгляд, обязательной предпосылкой для обретения как статуса субъекта правоотношения, так и статуса субъекта права является необходимость, чтобы данные субъекты располагали дуализмом: а) правосубъектности, б) правового статуса. В отсутствии данных правовых конструкций мы не можем констатировать факт образования субъекта права и правоотношения. Если следовать логике указанных авторов, субъектом права является образование, имеющее возможность участвовать в правоотношениях или как таковое участие в них, в свою очередь, субъектом правоотношения может быть лицо, имеющее возможность быть субъектом или как таковое им являющийся.

Дело не в том, что мы ставим знак равенства между субъектом права и субъектом правоотношения, а в том, что образование не может участвовать в правоотношениях, если оно со стороны определенного правопорядка не располагает правовым статусом, правосубъектностью, и что оно не может быть субъектом права, если оно опять же не располагает правовым статусом, правосубъектностью. Вот в чем состоит правовой критерий определения субъекта права. Иначе можно было бы признать субъектом международного права крупные корпорации, заключающие концессионные соглашения с государствами (то есть вступающие в правоотношения). Они могут быть субъектами международного права не потому, что участвуют в правоотношениях с государствами, а потому, что международная правовая система признает их таковыми, предоставляет им международно-правовой статус. Однако международное право не предпринимает подобных шагов. Так, известна позиция Международного суда ООН, который признает, что споры, возникающие из соглашения иностранной корпорации с государством, должны решаться на основе национального права, установленного решением данного суда по делу компании “Барселона Трэкшн” в 1991 г. [6, с. 59].

На наш взгляд, правильно в этом плане мнение профессора З.Ч. Чикеевой о том, что “возможность того или иного субъекта быть участником правоотношения определяется его правосубъектностью, то есть способностью быть субъектом права” [7, с. 84].

Основой следующего теоретического подхода является сложившаяся концепция особого статуса субъектов международного права. “При таком подходе, – пишут Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов, – способность участвовать в отношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, рассматривается как предпосылка, но не главная черта субъекта. Основное свойство субъекта – юридическая способность к самостоятельным международным действиям, включая создание согласованных международно-правовых норм...” [8, с. 44]. Подобной позиции участия в нормообразовании как главного критерия субъектообразования придерживаются такие ученые, как А.А. Каширкина, профессор Колумбийского университета О. Лиссицин, Б.Т. Усенко, Г.И. Тункин, Я. Броунли, А.В. Лавренюк, мнения их совпадают в том, что то или иное образование не может считаться субъектом международного права, если оно не способно участвовать в международном нормотворчестве.

Подобная усложненная схема образования субъектов международного права стала ответной доктринальной реакцией на события, происшедшие в период привлечения международной уголовной ответственности фашистов германской армии, совершавших акты военного преступления, а также на предоставление права индивидуумам на Европейском континенте в 50-е гг. прошлого столетия обращаться с жалобой в международную инстанцию. Поскольку подобное наделение международным правом индивидов правами и обязанностями, а также возможностью и способностью их самостоятельного осуществления могло бы доказывать их международную правовую субъектность, многие специалисты (позитивистского толка) столкнулись с необходимостью усложнения правовых критериев субъекта международного права и поэтому считали, что образование, обладающее многими атрибутами субъекта международного права, но неспособное участвовать в международном правотворчестве, все же не является субъектом международного права.

На наш взгляд, подобная теоретическая конструкция не подкреплена достаточно обоснованной методологической основой ввиду “вычленения” права на создание норм международного права из общего состава или категории субъективных прав, когда такое выделенное право стояло бы особняком, отличаясь своим статусом от иных субъективных прав субъекта международного права. Поэтому верно отмечает Т.Н. Нешатаева, что “правомочия по созданию норм международного права – это уже конкретное субъективное право, действительно свойственное не всем субъектам международного права” [9, с. 71].

Правовое основание констатировать факт образования субъекта международного права возникает, на наш взгляд, не потому что данное образование способно к нормотворчеству, а потому что оно обладает комплексом субъективных и объективных правовых возможностей:

- а) достаточно обладать хотя бы одним субъективным правом или одной юридической обязанностью (субъективный критерий);
- б) наличие механизма реализации данного права или данной обязанности в международном праве (объективный критерий).

По нашему убеждению, для возникновения правового основания считаться субъектом международного права достаточно иметь любое субъективное право либо любую юридическую обязанность, предоставляемые прямо нормами международного права. И поэтому выделение из числа субъективных прав некоторых из них и выставление их в свете обязательных критериев с теоретической точки зрения неоправданно.

Следующий теоретический подход, заслуживший право быть выделенным в отдельный ряд, имеет под собой основание считать субъектом международного права то образование, которое считается носителем международных прав и обязанностей. Иначе говоря, та или иная правовая норма международного права, обращенная к деятельности того или иного образования, предоставляет правовой статус субъекта международного права последнему. Необходимо заметить, что спецификой данного теоретического направления является достаточность факта распространения своей юридической силы нормы международного права (при этом независимо от количественных и качественных параметров

подобных правовых норм) на определенное образование, чтобы трансформировать последнего в субъекта международного права.

Представителями такого научного направления можно считать Д. Бэдермэна, который отмечает, что “под субъектом международного права я обозначаю образование, которое является носителем международных прав и обязанностей” [10, с. 7]. Профессор права Университета Калифорния Фредерик Л. Кергис также пишет, что “государства обладают “международной правосубъектностью” в том смысле, что они признаются субъектами международного права, то есть они располагают правами и обязанностями, прямо предоставляемыми международным правом” [11, с. 7]. Профессор М.А. Сарсембаев выражает то же мнение, говоря, что “субъект международного права – это носитель прав и обязанностей на международной арене, участник международного общения” [12, с. 55]. Рассматривая вопрос о правовом статусе международных организаций, Г.М. Вельяминов отмечает, что “...если организация располагает международными правами и обязанностями, она должна рассматриваться как субъект права и носитель правосубъектности” [13, с. 89]. Отмечает подобное же, добавляя нотку скептицизма, Хосе Луис Веласко Кальдерон: “...применение международно-правовых норм, рассчитанных на межгосударственные отношения, к частным лицам означает фактическое приравнивание этих лиц к рангу субъектов международного права” [14, с. 100]. Наиболее ярко, можно сказать, выражает данную позицию Н.В. Захарова, которая утверждает, что “норма создает правосубъектность, но не правосубъектность норму” [15, с. 118]. И, наконец, современным апологетом такого течения считаем Д.Л. Лысенко, который утверждает, что “для признания существования субъекта международного права достаточно наличия у него хотя бы одного субъективного права или одной обязанности по международному праву” [1, с. 53].

На самом деле, сущность подобного теоретического подхода мы находим весьма обоснованной и доктринально привлекательной, что отчасти выражает и наш взгляд о международной правосубъектности.

Четким индикатором выявления субъекта международного права можно было бы считать образование, которое прямо подпадает под

действие международно-правовых норм. Однако подобное упрощение образования новых субъектов международного права вызывает комплекс сложных моментов. Во-первых, как нами было указано выше, конечной целью норм права является доведение его юридической силы до его субъектов и его реализации. Для этого международная правовая система должна располагать комплексом всех правовых средств, прямо задействованных в механизме реализации данных прав. К примеру, на институциональном уровне должны быть образованы международные судебные учреждения, согласительные комиссии и т.д. Поэтому правовая система нуждается в полноценности, в регулятивной способности деятельности образования, достигаемой комплексом всех необходимых правовых средств. Иначе говоря, один лишь факт того, что существует норма международного права, предоставляющая право или обязанность образованию, еще не способна определить (завершить) субъектное оформление данного образования. Бесспорно, что этап прямого наделения правом или обязанностью необходим, но недостаточен. Нужен также комплексный механизм их реализации.

Таким образом, данный подход мы считаем односторонне теоретизированным, он не проливает свет на комплекс правовых проблем, решение которых и есть также условие образования субъектов международного права.

Примечательно, что некоторые авторы добиваются еще большего упрощения данного направления. Так, известный шведский юрист Х. Бликс считает, что термин “субъект международного права” означает “любое образование, к которому обращена какая-либо норма международного права” [16, р. 611]. Комментируя его мнение, И.И. Лукашук писал, что “при таком подходе можно дойти до признания международной правосубъектности китов и морских котиков, защите которых посвящен ряд конвенций” [17, с. 99].

Следующий теоретический подход в попытках определения субъекта международного права тождествен предыдущему, однако удостоен отдельно быть рассмотренным в силу специфики, отличающей его от иных. Речь идет об авторской позиции профессора С.В. Черниченко, который определяет субъекта международного права

как носителя международных прав и (или) обязанностей. Иначе говоря, если лицо непосредственно подчиняется воздействию норм международного права либо предписаний, дозволений и запретов, содержащихся в международно-правовых актах индивидуального характера, то оно есть субъект международного права [18, с. 112]. Поэтому принятие и распространение юридической силы международно-правовых норм на деятельность определенного лица образует у последнего международную правосубъектность, что под силу существующим субъектам международного права, в особенности государствам. Однако С.В. Черниченко тут же добавляет, рассматривая правовой статус индивидов в международном праве, что “...заключая между собой соглашения о предоставлении тем или иным категориям индивидов прямого доступа в международные органы, государства каковы бы ни были их желания и намерения, не в состоянии превратить индивида в участника межгосударственных отношений и субъекта международного права” [19, с. 121].

На наш взгляд, первоначально предпринятая им попытка определения субъекта международного права не позволяет менять позицию о правоспособности государств в сфере субъектообразования. Ведь не распространяют подобные соглашения о доступе в международные инстанции свою юридическую силу на индивидов? Говоря о таких соглашениях, автор рассуждает о невозможности рассмотрения таких индивидов в качестве участников международного правоотношения, которыми, по его мнению, могут быть лишь государства, заключившие подобные соглашения. Возможно, автора настораживает тот факт, что признание индивидов участниками таких международных правоотношений означало бы и признание их субъектами международного права. Однако в данном случае образование прав индивидов на обращение в международные органы не происходит уже в момент международного правоотношения по защите прав индивидов (и поэтому неважно, считать или не считать индивидов субъектами данных международных правоотношений), а такое образование произошло *ad initio*, то есть с момента вступления в силу такого международного договора, предоставившего прямо индивидам право на такое обращение еще до факта начала

международного правоотношения, иными словами, до факта реализации своих международных процессуальных прав индивидами.

Таким образом, по нашему мнению, государства обладают правоспособностью на субъектообразование (либо на субъектопризнание), поскольку они являются субъектами международного нормотворчества, а нормы международного права предоставляют международную правосубъектность тем, деятельность которых они регулируют, предоставляя прямо им право и обязанности.

Примечательно, что еще в 1984 г. С.В. Черниченко писал: “Возникновение субъективных прав и обязанностей как элементов правоотношения действительно возможно лишь на основе юридических фактов, порождающих соответствующее правоотношение. Но возникновение субъективных прав и обязанностей в качестве элементов правоспособности возможно как на основе наступления юридических фактов, так и непосредственно в результате распространения на субъекта действия правовой нормы...” [19, с. 86]. И тут же он писал, что “факт возникновения определенного субъекта, на которого норма начинает распространять свое действие, тоже юридический факт” [19].

И здесь, по нашему мнению, необходимо отметить в ракурсе различия субъективных прав и правоспособности, что правоспособность – это не само право, а “право на право”, то есть возможность иметь субъективные права и нести обязанности. В свою очередь, сами эти права и обязанности входят в правовой статус данного субъекта.

Однако если признать уместным взгляд С.В. Черниченко о субъективных правах и обязанностях как об элементах правоспособности, то для обретения международной правосубъектности недостаточно иметь способность и возможность иметь права, необходимо иметь сами права и обязанности. Иными словами, образование, чья международная правосубъектность признана со стороны международной правовой системы, но она еще не обладает международными правами и обязанностями, еще не является субъектом международного права.

Таким образом, следует прийти к выводу о том, что образование субъекта международного права имеет место тогда, когда, на наш взгляд,

с одной стороны, определенный претендент на статус субъекта международного права располагает возможностью либо как таковое обладает хотя бы одним субъективным правом или юридической обязанностью, а с другой – международное право имеет механизм реализации данного права или обязанностей этого образования. Последнее положение декларирует нашу точку зрения на статус субъекта (международного) права, что можно было завершить ее оправданность обозначением ее “механистическим” подходом в определении правосубъектности.

О необходимости наличия механизма правореализации в ракурсе международной правосубъектности отмечалось некоторыми авторами. Так, Л. Бергес и Л. Фридмэн отмечают, что “образование с международной правосубъектностью обладает правами. Если эти права нарушаются... они могут быть восстановлены... посредством процедур и институтов, которые функционируют вне внутрисударственной правовой системы” [20, р. 223]. Также профессор И.И. Лукашук пишет, что “право – это не только нормы, но и соответствующий механизм их действия” [17].

Подытоживая рассмотренное нами, целесообразно было бы прийти к определению субъекта международного права как обладающего международной правосубъектностью образования и располагающего всеми необходимыми правовыми средствами для реализации прямо предоставляемых ему международным правом прав и обязанностей.

Литература

1. *Лысенко Д.Л.* Проблема правового статуса транснациональных корпораций: международно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / Д.Л. Лысенко. М., 2003.
2. Курс международного права: в 7 т. Т. 1. М., 1989.
3. *Усенко Е.Т.* О договорной компетенции СЭВ / Е.Т. Усенко // Сов. гос-во и право. 1978. № 4.
4. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М.: Юрид. лит., 1974.
5. *Мицкевич А.В.* Критика на работу Р.О. Халфиной “Общее учение о правоотношении” (М., 1974) / А.В. Мицкевич // Сов. гос-во и право. 1975. № 12.

6. Садабаев А.М. Теоретические вопросы международной правосубъектности транснациональных корпораций / А.М. Садабаев // Вестн. КРСУ. 2009. Т. 9. № 4.
7. Чикеева З.Ч. Теория права: учеб. пособие / З.Ч. Чикеева. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2007.
8. Игнатенко Г.В. Международное право / Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.: Норма, Инфра-М, 1999.
9. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании / Т.Н. Нешатаева. М.: Дело, 1999.
10. *Bederman D.J. The Spirit of International Law* / D.J. Bederman. Athens, Ga.: University of Georgia Press. 2002.
11. *Frederic L., Kirgis Jr. International Organizations in Their Legal Setting. Documents, Comments and questions. American Casebook Series.* St. Paul, West Publishing Co. 1977.
12. Сарсембаев М.А. Международное право. Общая часть: учеб. пособие / М.А. Сарсембаев. Алматы: Гылым, 1999.
13. Вельяминов Г.М. Международная правосубъектность / Г.М. Вельяминов // Советский ежегодник международного права, 1986. М.: Наука, 1987.
14. *Хосе Луис Веласко Кальдерон. Кодекс поведения транснациональных корпораций (ТНК) и международное право (на примере деятельности ТНК в странах Латинской Америки): дис. ... канд. юрид. наук.* М., 1984.
15. Захарова Н.В. Индивид – субъект международного права / Н.В. Захарова // Сов. гос-во и право. 1989. № 11.
16. *Blix H. Contemporary Aspects of Recognition* / H. Blix // *Recueil des Cours.* 1970. Vol. 2.
17. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. / И.И. Лукашук. М.: Вольтерс Клувер, 2004. Т. 1. 672 с.
18. Черниченко С.В. Теория международного права / С.В. Черниченко. М., 1999. Т. 2.
19. Черниченко С.В. Юридические факты и международные правоотношения / С.В. Черниченко // Советский ежегодник международного права, 1983. М., 1984.
20. *Burgess L. A Mistake Built on Mistakes: the Exclusion of individuals under international law* / L. Burgess, L. Friedman // *Macquarie law journal.* 2005. Vol. 5.